

Б.Ф.Мартынов

Хосе Марти, глобальные вызовы и правило «обратной перспективы»

В статье говорится о необходимости выработки новой комплексной методики для прогнозирования и управления глобальными кризисами, основанной на учете цивилизационно-культурной специфики главнейших мегасоциумов нашей планеты, в том числе российского и латиноамериканского. Впервые рассматривается возможность более полного выявления особенностей национального менталитета на основе анализа наиболее характерных произведений изобразительного искусства и литературы.

Ключевые слова: Хосе Марти, русская иконопись, изобразительное искусство, глобальные вызовы современности, новые методы политического прогнозирования и управления кризисами, цивилизационно-культурные детерминанты, латиноамериканский и российский цивилизационные архетипы.

Однажды, в уже «далеком» 1983 г., когда я работал в составе группы Академии наук на Кубе, мне в руки попала статья Хосе Марти «Выставка работ Верещагина», написанная им в 1899 г. Растиражированность и официальность образа Марти на Кубе не смогли охладить моего интереса к этому автору, с которым я впервые познакомился, готовясь к кандидатскому экзамену по философии в 1976 г. Но эта статья запомнилась особо. До сих пор непонятно, как человек, никогда не бывавший в России и, насколько известно (я специально наводил справки), никогда не общавшийся с русскими, мог, глядя на полотна Верещагина, так образно, а самое главное так точно рассказать о характере русского народа. Смотрите сами:

«Русский — противоречив. Патриархальное дитя, характером он одинаково тверд и подвижен, простодушен и утончен. Он может любить и жестоко карать, снаружи — как крепость, внутри — как голубь... Обедает — пирует, пьет — как бочка, танцует — устраивает бурю, лезет в горы — лавину, в наслаждениях теряет меру. Правит, как сатрап, служит, как собака, в любви и резок, и мягок... Это человек чувства и цвета, звериного рева и неслышного воркования. Он тяжело ступает, этот русский, в своем французском платье, которое ему, как бородатому Геркулесу, — детские

Борис Федорович Мартынов — доктор политических наук, заместитель директора ИЛА РАН (b.martynov@mtu-net.ru).

ползунки. В белых лайковых перчатках садится он за стол, на котором дымит гигантская мясная кость...

...В России резче всего чувствуется раздвоенность современного человека, потому что варвары и завоеватели, произведшие на свет этого славянского Геркулеса, передали ему вместе с физической силой и силой характера... и ту ужасную муку разлагаться под бременем чуждой цивилизации, не познавши своей собственной. Принц крови и простой мужик, князь и извозчик, во дворцах, где пьют шампанское, и в избах, где хлещут водку, в отчаянии роняют головы на грудь, в которой бьется их поработанное сердце.

...Когда справедливость — это главное, искусство — вторично. В условиях несвободы его единственное оправдание — служить свободе. Все в огонь, даже искусство, чтобы ярче полыхал ее костер! «Я надеюсь, — говорит Верещагин, — что люди, способные любить, полюбят и меня за то, что мое искусство служит правде»... Когда он пишет человека то пишет именно его, ничего не прибавляя и не убавляя: его дух не раскрывается навстречу абстракции... Но на этих полотнах, тяжелых и одиноких, вот она — Россия с ее болью, Россия с ее полями, замерзшими, как и ее надежды»^{1*}.

Можно было бы и дальше цитировать эту удивительную статью, но, наверное, хватит. Живопись В.Верещагина помогла проницательному кубинцу, задолго до профессионального психолога К.-Г.Юнга, понять не только то, что русские относятся к «интуитивно-чувственному» психологическому типу людей, но и многое другое.

Интересно, что и сами русские, согласно данным статистических опросов, которые приводятся в монографии социолога А.Сергеевой «Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность», склонны особо выделять такие свои качества, как «душевность», «приветливость», «щедрость», «смелость». Для них характерны «терпение», «гостеприимство», «дружелюбие», «религиозность». Однако они признают, что «почти в равной степени активны и инертны, трудолюбивы и ленивы, преклоняются перед авторитетом и уверены в себе, вспыльчивы и уравновешены»².

Как и кубинский мыслитель, более чем за сто лет до наших дней, большинство современных исследователей русского национального архетипа говорят о таком его качестве, как *противоречивость*. Сергеева связывает это со «срединным» положением России между Западом и Востоком, с соединением в русской душе христианства с остаточными особенностями языческого мироощущения и, наконец, с «вечным конфликтом между государственным могуществом и свободолюбием народа»³. У Хосе Марти, как мы видим, «противоречивость» и «раздвоенность» русских обязаны своим происхождением принятию ими в XVIII в. чуждых культурных и поведенческих стереотипов («Геркулес во французском платье»).

А.Сергеева полагает, что людям свойственен *культуроцентризм*, «когда «правильной» считается только собственная культура, а все остальные кажутся странными, «нецивилизованными» или «недоразвитыми», что мешает им понять «странности» и «непоследовательности» в поведении россиян»⁴. На наш взгляд этот тезис нуждается в уточнении. Не столько собственно *национальная* культура во всем ее своеобразии (отметим в этой связи огромный интерес и уважение на западе к культуре Японии, Китая и

* Перевод с испанского автора.

Индии), сколько оторванная от национальной почвы, и поэтому заведомо плохая, *имитация* чужой культуры способна вызывать отторжение, непонимание, а зачастую даже презрение. Это утверждение справедливо как в отношении русских «экстремалов»-западников, так и в отношении всех других, сознательно предающихся греху изоморфизма (например, латиноамериканских). Никакое подражательство, сколь бы изощренным оно ни было, до сих пор не возбуждало, а значит и никогда не возбудит уважения к России со стороны Запада, по той простой причине, что никакое подобие недостойно оригинала*. А это значит, что, отождествляя себя с Западом и безоговорочно принимая все его ценности, Россия *никогда* не сможет играть в мире той роли, какой она заслуживает как страна-цивилизация. Она просто не сможет предложить миру *ничего нового*.

О новизне следует сказать особо. По нашему глубокому убеждению, сегодняшний мир испытывает не столько (признанный уже многими) институционный и нормативный, сколько *интеллектуально-аналитический дефицит в сфере глобального политического прогнозирования и управления кризисами*. Отсюда и дефицит авторитета в мировой политике. Людям явно не хватает «стереоскопичности» (предполагающей как *глубину* осмысления проблемы, так и *широту* взглядов на нее) в подходах к противодействию международному терроризму, бедности, наркоторговле, организованной преступности, ядерному распространению, климатическим изменениям и пр. и пр. При этом уже совершенно очевидно, что такая стереоскопичность не может быть достигнута без пересмотра одних и учета других важных *цивилизационно- и культурно детерминированных констант*. Публичное декларирование обострения глобальных проблем давно уже не влечет за собой их конструктивного решения. Причина — в отсутствии адекватного понимания их генезиса, современного состояния и перспектив развития, в неумении (а, зачастую, и в нежелании) выработки *целостного взгляда* на них.

«Никто из тех, с кем я говорил, так и не смог нарисовать мне общей картины, — с грустью отмечал один молодой английский автор, взявшийся написать книгу о климатических изменениях в Арктике. — Я обнаружил, что специалистов по Арктике, как таковой, нет, как нет и общих источников информации. Существуют профессионалы-«академики», каждый из которых занимается какой-то одной микроскопической частью целого: от поведения китов до изучения течений. Есть политики, обеспокоенные правами своих стран на арктические границы, геологи, собирающие сведения для определения этих границ, киты и тюлени, свободно проплывающие над этими границами. Юристы спорят о содержании ст. 234 Конвенции по мор-

* Хороший пример из российской истории. Как пишет в своей монографии, посвященной международному терроризму, английский историк М.Бурли, в начале XX в. «английские лейбористы и немецкие социал-демократы бездумно поддерживали террористов-убийц в царской России (по-видимому, считая ее недостаточно «цивилизованной». — Б.М.). В то же время страх перед западным либеральным общественным мнением и нежелание прослыть «азиатской деспотией» мешали царскому правительству применять эффективные меры против террористов». См.: M. B u r l e i g h. Blood and Rage. Cultural History of Terrorism. London, 2008, p.57.

скому праву («районы, покрытые льдом»), а инженеры рассматривают лед только как препятствие, которое приходится преодолевать ледоколам. Экологи считают, что любую добычу нефти в Арктике следует немедленно запретить, в то время как коренные народы Севера ждут, когда же часть накопленного мирового богатства доберется, наконец, и до их становищ. Для того, чтобы сформировать какое-то общее представление, мне нужно было переговорить с более чем сотней различных экспертов, прослушать более ста выступлений на конференциях в разных частях света, прочитать гору статей и книг, в которых говорилось о том, что было известно еще сто лет назад»⁵. То же самое, наверное, можно сказать и о проблемах Африки, и глобальной экономики, о природных аномалиях и, наверное, о России... Причина — «переизбыток не связанной друг с другом информации». Как же мы «дошли до жизни такой»?

На этот вопрос может дать ответ профессор Дж.Купер Рамо, Исполнительный директор геостратегической консультативной компании «Киссинджер Ассошиэйтс». В своей недавно вышедшей и мгновенно ставшей бестселлером в США книге «Век немыслимого» он призывает Запад переосмыслить наработывавшиеся столетиями интеллектуальные стереотипы. В частности, критически отнестись к идее Аристотеля, согласно которой понять явление можно, лишь разложив его на составные части. «Привычка всегда и везде возводить перегородки и стены может привести к тому, что кто-то рано или поздно устроит под них подкоп», — пишет профессор, очевидно, под впечатлением от крушения Берлинской стены⁶. Взгляды Дж.Купера Рамо вообще можно было бы считать «радикальными», если бы они не соответствовали потребностям наступающего века. «Миру нужны люди, одержимые новизной и абсолютным желанием перемен, честные перед самими собой с учетом предстоящих интеллектуальных битв. Сегодня одна только мысль о том, что победа демократии и капитализма во всемирном масштабе — это панацея для решения всех мировых проблем, должна автоматически исключать любого из сферы международной аналитики», — считает Рамо⁷, и с ним, очевидно, нельзя не согласиться.

Эти новые эксперты, *приспосабливающие свой ум к сетевому характеру* большинства глобальных проблем и действующие в рамках *сетевых* же международных структур анализа и оперативного реагирования, должны будут уметь, согласно мнению американского ученого, не только выделять так называемую «главную проблему» и концентрироваться на ней, как это, например, хорошо научились делать западноевропейцы и американцы. Такой «эксклюзивной концентрации» сегодня далеко недостаточно, чтобы рассматривать тот или иной глобальный вызов не как изолированный объект, а как *многоуровневую систему*. Новый подход необходим, чтобы увидеть, что терроризм — это не только Саддам или Бен Ладен, а «отравленный плод взаимодействия различных сил», что преступность — не только следствие бедности, бедность — не только «отсутствие демократии», наркотики — не только проблема их производства, загрязнение окружающей среды — не только выброс CO₂ и пр.

А вот обращать особое внимание на фон картины и ее детали — видение, в подавляющем большинстве свойственное представителям стран конфуцианского мира, — это, по мнению Рамо, как раз «то, что надо». При анализе системного вызова такой взгляд помогает избавиться от игнориро-

вания исторической ретроспективы и дает возможность использовать разнообразие выявленных деталей («всее возможностей») в принятии решения о «фланговом ударе» и «обходном маневре», о появлении «там, откуда не ждали». При этом выпадает традиционный западный герой-одиночка — Одиссей или голливудский «Крепкий орешек», привыкший силой противостоять «мировому злу». Он попросту нелеп в зыбком мире, где «все связано со всем» и востребовано чисто восточное качество: решать проблемы путем непрямых действий, где «лучшим генералом становится тот, кто не выиграл ни одного сражения» (Конфуций).

Дж.Рамо находит единомышленника в лице Х.Вельцера, директора Центра междисциплинарных культурологических исследований Института культурологии в Эссене (Германия). Тот также считает, что настала пора отказаться от узкорационалистического подхода к действительности, поскольку «в повседневной реальности рациональное и логическое очень редко, почти никогда, не проявляют себя в чистом виде». Глобальный экономический кризис, по его мнению, показал, «что модели развития, предлагаемые Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), не могут служить основой для становления новых социумов, так как происходящие в них процессы на практике принимают формы, отличные от тех, которые раньше казались незыблемыми»⁸.

Оба автора независимо друг от друга рассматривают проблемы современного мира — от экологии до «этнических чисток», не как антитезу, а, скорее, как *составную часть* процесса модернизации по-американски, как следствие непродуманного навязывания западных стереотипов представителям иных цивилизаций и культур. «Тезис Хантингтона о столкновении цивилизаций в принципе верен, — отмечает Вельцер. — Но этот автор имеет весьма ограниченный горизонт мышления в связи с тем, что оценивает поведение других, абстрагируясь от того влияния, которое оказывает на весь мир культура его собственной страны»⁹. Но «жизнеспособна ли такая культура, которая основана на расширенном потреблении невозобновляемых ресурсов в ущерб будущим поколениям и требует безоговорочной поддержки от других, одновременно полностью игнорируя интересы их выживания?», — спрашивает немецкий ученый. И добавляет: «Ни одну глобальную проблему нельзя решить с помощью тех методов, которые привели к ее возникновению»¹⁰.

И Рамо, и Вельцер считают, что новые подходы к решению глобальных кризисов, во-первых, должны учитывать культурно-историческую и религиозную специфику главных цивилизаций современного мира, дабы не вызывать с их стороны законного отторжения. Во-вторых, предлагать на этой основе смелые практические решения, которые соответствовали бы глубине и многогранности стоящих перед человечеством проблем. В этом случае людям, ответственным за выработку таких решений, необходимо максимально *расширить диапазон поиска* и помимо политики и экономики подключить к нему теперь такие казавшиеся ранее «избыточными» материи, как религия, культура, национальные привычки, обычаи и традиции, национальная производственная и предпринимательская этика, этика ведения бизнеса и т.д.

Прогноз наших авторов довольно пессимистичен: если человечество не создаст кодекс некой новой «глубокой» (Рамо) или «превентивной» (Вельцер) безопасности, основанной на новом качестве мышления, сис-

темном подходе к прогнозированию и новых методах управления глобальными рисками, то прогрессирующее истощение ресурсов земли (пресная вода) и связанные с этим климатические изменения вызовут невиданные волны миграций, которые неизбежно приведут к новым жестоким войнам.

К выработке новой методики, по мнению Рамо и Вельцера, следует шире привлекать *национальное изобразительное искусство* как одно из наиболее мощных выразителей национального мироощущения и мировидения*. В самом деле, усвоить зрительный образ для большинства людей как правило не представляет труда. А постараться связать особую логику построения и способа подачи этого образа с окружающей нас реальностью значит пройти, как минимум, часть пути к ее «цивилизационному» прочтению. Вот здесь-то и может пригодиться удачный опыт Марти, сумевшего буквально *ex ungue leonem*** познать специфику мировосприятия чужой ему по рождению цивилизации и культуры!

Оборотной стороной «противоречивости», отмеченной Марти и другими авторами как одна из главных составляющих национальной психологии россиян, является *неуспокоенность на достигнутом*. Это качество может быть востребовано сегодня в виде такой *творческой неуспокоенности*, которая позволит вести целенаправленный поиск в широком диапазоне идей, при условии, если он получит поддержку со стороны государства и академической науки. Задача будет заключаться в сборе и систематизации автохтонных взглядов и методик по профилактике и управлению кризисами*** с привлечением самых разных источников — связующих звеньев с глубинными пластами национальной истории и культуры России. При этом, если мы хотим расшифровать подлинные коды русского мировоззрения, не отягощенного плодами изоморфизма, нам в первую очередь следует обратиться к древнерусской станковой живописи. Ее корни, уходящие в искусство Византии, убеждают, что условия на старте великого культурно-исторического марафона были далеко не равны. В те годы Запад восхищался утонченными и одухотворенными артефактами опередившего его Востока, а не наоборот. «Искусство далекой огромной империи в течение всего средневековья было заманчивым и желанным, но не всегда достижимым

* Дж.Купер Рамо в своей книге приводит пример опыта, проведенного в США над группой китайских и американских студентов, которым было дано задание описать содержание поставленной перед ними картины. Все американцы отметили лишь главную фигуру, полностью абстрагируясь от деталей. Китайцы отметили сначала фон картины и ее многочисленные детали, а главную фигуру — лишь в последнюю очередь. Как тут не вспомнить прямолинейность и однонаправленность политики США на международной арене и комплексный подход Китая и стран Востока к решению многих международных проблем?

** «Узнаю льва по когтю» (лат.)

*** Использование силы на Кавказе, как известно, не оправдало себя. Политика России в этом регионе начала приносить какие-то плоды только после того, как ею был избран «синтетический» подход к решению проблемы, основанный на сочетании военных, экономических, политических, культурно-религиозных и др. факторов. «Детали» картины в виде «житейских» (или «житийных»?) сюжетов оказались не менее важны, чем «центральный» образ бородатого террориста с бомбой.

образцом. О нем мечтал в Ахене Карл Великий, создавая свою империю. Ему стремились подражать императоры оттоновской Германии, но не смогли его понять»¹¹.

В русской иконе XIII—XVI в. сохранилась не только преемственность с культурой Византии, но и обозначилось все то яркое и новое, что внесла в нее собственно Русь. Поэтому, наверное, именно икона может лучше всего ответить на вопрос о характере русского народа, а значит, и о его истории. Подчеркнутая строгость, аскеза и даже суровость ликов XIII в. — свидетельство испытаний, которые принесло с собой ордынское иго. Но уже XV в. — это теплота и душевность, столь чтимые в иконах «Богоматерь Умиление». «Ни французская готика, ни итальянское Возрождение не умели вложить в этот образ большей теплоты. Они создавали образы более человеческие, но не более задушевные»¹², — писал выдающийся искусствовед В.Н.Лазарев. А XV в. — это еще и мировая величина Андрей Рублев с его подчеркнутой жизнерадостностью, человечностью и даже каким-то задором («Звенигородский Спас»). Как же: освобождение от власти татаро-монголов! Дальше — подчеркнутая строгость и гармония фресок Дионисия, узорочье ярославских мастеров, и, наконец, пышность и кичливое роскошество московских изографов века XVII. Это уже «фрязь», это уже «от немчин». Москва выходит во внешний мир и становится державой.

Да, вот он здесь весь, этот русский характер с его смертельной тоской и все-таки задором, «всемирной отзывчивостью» и суровым порицанием «отпавших», сверхчувственной исповедальностью, неприкрытой наивностью, гламуром и Рублевкой. Перекинуть мостик к политике теперь совсем не трудно: Николай II, Сталин, Горбачев, Ельцин — лики почти «иконные»...

Но чем же икона — это, выражаясь образным языком, «окно в минувшее» — может помочь нам сегодня в поиске ответов на волнующие нас мировые проблемы? Во-первых, своими пространственно-временными связями, т.е. тем, что иногда из соображений «экономии» (или экономики?) исключается нами из целостного алгоритма решения проблемы. На иконах они предстают в «чистом», несуществующем в повседневной реальности виде. В клеймах «житийных» икон перед нами проходит вся жизнь святого — от рождения до гроба. Иногда в одной композиции объединяются два разновременных эпизода, ранний и более поздний, при этом один и тот же персонаж может быть изображен дважды, а то и трижды (!). Древнерусский мастер сводит в единой композиции различные эпизоды одной и той же истории, показывая, что происходило до главного события и что произойдет после него. При этом иконописец представляет себе пространство так же отвлеченно, как и время. Объединяя между собой длительные подчас отрезки времени, он словно сжимает в один небольшой участок поверхности всю необъятную ширь земли. «Что при этом Иерусалим мог очутиться рядом с Царьградом или даже с Москвой, никого не смущало. Для средневековых художников, как и для их необыкновенных героев, не существовало ни времени, ни расстояний»¹³.

«Но сегодня, в эпоху глобализации, время и расстояния действительно приобретают относительный характер!» — можем мы воскликнуть в ответ. И сегодня, судя по накалу проблемы ближневосточного урегулирования, Иерусалим оказывается «рядом» не только с Царьградом (Стамбулом) и Москвой, но и с Вашингтоном, Брюсселем, Мадридом, Пекином... Прин-

цип увязки пространства и времени в русской иконе заставляет задуматься о целесообразности выработки такого же свободного от мелочной суеты пространственно-временного взгляда на глобальные риски и вызовы, какой был использован древними иконописцами чтобы подчеркнуть связь небесного и земного начал, материи и духа. Связать пространство и время в политике значит понять, что политические процессы в странах-континентах протекают заведомо *медленнее*, чем в странах малых и средних размеров (пример тому — Россия). В этом случае стараться ускорять и искусственно «подстегивать» происходящие в них *эволюционным путем* перемены, ведя дело к революциям и смутам, — сродни преступлению. То же самое, на наш взгляд, справедливо и в отношении целых цивилизаций (например, исламской) на обширных площадях нашей планеты. Силовое давление на них с целью что-то поскорее «улучшить» или «исправить» по западным политическим лекалам в конечном счете оказывается контрпродуктивным.

Но дело не исчерпывается только этим. «Примерно с конца XIII — начала XIV в., когда иконописец стал изображать своих персонажей не на гладком фоне, а в какой-то конкретной обстановке, он обращается к так называемой «обратной перспективе» и применяет ее с постоянством, приобретающим характер закона. Вычерчивая ее, художник тоже руководствуется определенными геометрическими правилами. Только точку схода линий он помещает не в глубине, а спереди, как бы в глазу зрителя. В результате изображенные предметы кажутся не сокращающимися, не суживающимися по мере удаления в глубину (как мы привыкли видеть в обычной живописи, да и в самой жизни), а расширяющимися. Иначе говоря, объемы и пространство в иконной композиции читаются как бы «задом наперед»¹⁴.

Для чего это делалось? Специалисты по древнерусскому искусству утверждают: для того, чтобы сохранить плоскостное решение композиции, поскольку именно оно в сочетании с общим ритмическим единством и согласованностью форм и красок* считалось одним из наиболее действенных способов передачи связи между персонажами. Правило «обратной перспективы», отсутствовавшее в искусстве Византии, возникло в древнерусской иконописи и существовало вплоть до XVII в., т.е. до начала активного проникновения в Московское царство западных художественных веяний, и справедливо может считаться исключительно русским изобретением. Может быть, именно поэтому историческое развитие нашей страны, как любят повторять некоторые острословы, происходит не «благодаря», а «вопреки».

Но, если всерьез, то применить правило «обратной перспективы» на поле сегодняшних системных рисков значит, образно говоря, вывернуть «наизнанку», рассмотреть «подкладку» и скрытые от посторонних глаз «швы» таких проблем, как, например, деятельность теневых международных финансовых структур. И даже не только и не столько это. Затерянная

* Ближе всех к «восточному» пониманию такого единства на Западе подошел, по видимому, только знаменитый Эль Греко (Доменико Теотокопули, 1541—1606), по национальности грек. Удлиненные фигуры его персонажей, избранная им цветовая палитра и некоторые элементы плоскостного решения композиции обнаруживают очевидную связь с византийской традицией, продолженной затем в русской иконописи. Но случайность ли, что Эль-Греко стал популярен именно в Испании, в католической стране, где разрыв между материальным и духовным не был так силен, как, например, в странах протестантского вероисповедания?

Пример «обратной перспективы». Икона «Благовещение», XV в.

где-то в далекой перспективе цель слишком часто вводила людей в искушение проигнорировать ее логос в пользу мифотворчества повседневности. Как тут не вспомнить коммунизм — «светлое будущее всего человечества», о котором ни один советский человек не знал фактически ничего, кроме того, что «при коммунизме будет все, и не будет денег». Насколько оправданнее было бы запустить процесс «наоборот», попытавшись заранее, с дистанции «ближнего боя» рассмотреть хотя бы основные детали будущего общества! Тогда, глядишь, и до построения дело бы не дошло. Можно только догадываться, насколько лучше жилось бы сегодня людям, если бы популярный слоган «надо ввязаться в бой, а там будет видно» (Наполеон,

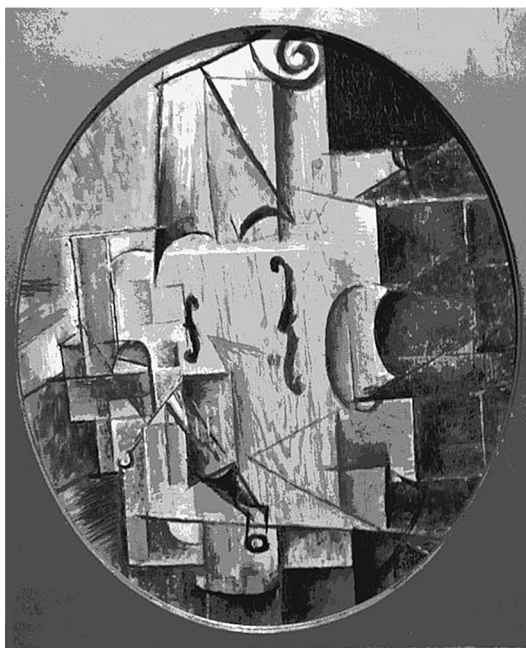
Ленин и пр.) был бы откорректирован правилом обратной перспективы.

Наверное, ни для кого не секрет, что очень многие (если не все!) проблемы сегодняшнего дня есть результат плохого представления людей о возможных последствиях их деяний. Вызов со стороны исламского фундаментализма и трансграничного терроризма справедливо связывается с политикой США в отношении Израиля и Саудовской Аравии, с поддержкой Вашингтоном афганских «моджахедов», воевавших против СССР*, и интервенциями в Ирак и Афганистан; климатические изменения — с бесконтрольной деятельностью человека в природной среде; рост незаконного оборота наркотиков — с распространением в мире культа потребительства и гедонизма, «философии» от масс-культуры и установок типа «Бери от жизни все!». «На подходе» новые глобальные угрозы высокотехнологичного характера, связанные с использованием биотехнологий и генной инженерии, с включением в хозяйственный оборот доселе «ничейных» пространств космоса, мирового океана и полярных областей земли. Неужели и на этот раз «расхлебывать» последствия наших действий мы предоставим потомкам?

Казалось бы, все, о чем мы говорили выше, — глубокая старина, и привязывать ее к современности нелепо. Корни и ветви дерева даже на первый взгляд единой европейской цивилизации разрослись далеко в стороны от когда-то общего ствола. Однако глубинные ключи, питающие этот ствол, нет-нет, да и выплескиваются на поверхность, причем, как правило, накануне значительных перемен в жизни людей.

* По данным, приводимым М.Бурли, только в 1984 г. США на помощь афганским «моджахедам» выделили 200 млн долл. — M. B u r l e i g h. Blood and Rage, p. 370.

Незадолго до Первой мировой войны П.Пикассо и Ж.Брак решили сформулировать философию «нового художественного языка» (не потому ли, что как творческие натуры, остро воспринимающие *весь* окружающий мир, они подспудно ощущали срочную необходимость выработки нового языка *политического*?). Согласно основоположникам школы «кубизма», ничто не должно было больше рассматриваться, как простое и примитивное. Современность требовала раскрытия глубинного содержания объекта и его многочисленных граней (сравните с правилом обратной перспективы, которое «разворачивает» архитектурные образы на иконе в сторону зрителя и убирает стены, чтобы показать объект «в разрезе»!).

П.Пикассо. Скрипка

Кубисты утверждали, что традиционная передача изображения была лживой, поскольку показной «реализм» на самом деле скрывал гораздо больше, чем демонстрировал. Но ведь насквозь лживым было (и в значительной мере еще остается) словесное прикрытие политических акций! К сожалению, новые принципы изобразительного искусства не так-то просто было распространить на сферу политики, и в результате ирония истории проявила себя во всем «блеске»: Первую мировую войну во Франции называли «кубистической», потому что тогда впервые начали применять камуфляж в виде ломаных линий.

Накануне революционной смуты в России кубизм был подхвачен и развит группой русских художников-авангардистов. Параллельно с этим у других (Петров-Водкин) возродился интерес к иконописным сюжетам. Случайно ли? В конце концов, может быть весь знаменитый русский «Серебряный век», как и авангардистские устремления на другом конце католической Европы, можно было трактовать в том числе и как отчаянную попытку духа взломать, наконец, ту самую перегородку, стену (наподобие Берлинской), которая по произволу людей отделила его когда-то материи, заставив их биться в тенетах меркантильных интересов?

Выработка у людей привычки к полидисциплинарному и «стереоскопическому» мышлению, основанному на признании цивилизационно-культурных реалий, — необходимый шаг к созданию новой, более продуктивной методики решения глобальных проблем. В разворачивающемся противоборстве между старой — этнической — и новой — глобальной («ноосферной») — идеологией первенство должно остаться за второй. Обеспечение информационной безопасности России, равно как, впрочем, и других «стран-цивилизаций» (Китая, Бразилии, Индии), в этом случае зависит уже

не от того, насколько сильной окажется их «оборона» от множущихся с каждым годом информационных вызовов и угроз. Залогом успешного развития БРИК в наступившем столетии является *наступательная* тактика, основанная на использовании *новых идей*. Последние, по определению, не должны иметь заимствованного характера в силу особой геополитической и геоэкономической значимости «стран-цивилизаций», которые просто *обязаны* внести в становление этой идеологии свой *собственный* вклад, если не хотят остаться на периферии глобального развития. Как мы пытались показать выше, вклад России *может оказаться решающим*. Но не менее важным может оказаться и участие этом процессе ведущих государств Латинской Америки.

Согласно авторитетному мнению российских ученых¹⁵, модернизация — единственно возможное средство для реализации потенциала восхождения «латиноамериканских гигантов». При этом модернизация в сфере *информационной безопасности* признается важным вкладом в обеспечение комплексного социально-экономического развития в соответствующих национальных доктринах и международных соглашениях Бразилии, Мексики и Аргентины. Такая линия поведения закономерна и понятна. Вслед за признанием комплексного, многоуровневого и интегративного характера парадигмы безопасности в 80—90-е годы латиноамериканцы говорят «да» инновациям не только в сфере научно-технического, но и гуманитарного прогресса. Однако повышение расходов на образование, науку и культуру — это лишь одна сторона дела. Новое включение этих стран в мирохозяйственные и мирополитические процессы «определяет необходимость существенных изменений в стратегии и тактике поведения стран на международной арене»¹⁶. В этом смысле для полноценного становления Латинской Америки в качестве самостоятельного цивилизационного полюса многополярного мира ей понадобятся «уход от качества преимущественной объектности и обретение качества преобладающей субъектности в процессах мирового развития»¹⁷. Такой радикальный «маневр», добавим от себя, неизбежно потребует от них *более активной роли в решении глобальных проблем современности, связанной с новым восприятием мировых реалий*. Чем же новым страны латиноамериканского региона могут обогатить методику принятия политических решений на региональном и глобальном уровнях?

Когда студентам МГИМО я говорю о том, что политическое прогнозирование отныне обязательно должно включать в себя элемент фантазии и здравую толику иррационального, то встречаю удивленный взгляд десятков пар глаз. К сожалению, мы настолько привыкли к рациональному и плоскостному видению мира, что каждый раз оказываемся не готовы к кардинальным переменам в международной обстановке. В самом деле, кто, «находясь в здравом уме и трезвой памяти», мог предвидеть, например, молниеносный распад Советского Союза хотя бы за пару дней до этого? А кровавые «разборки» между «братскими народами» некоторых бывших советских республик? А войну в самом центре Европы, бомбежки Белграда натовской авиацией, атаки пассажирских самолетов на небоскребы в Нью-

Йорке и пр.? Так что утверждение Вельцера о том, что в повседневной реальности «логическое и рациональное очень редко проявляют себя в чистом виде», не столь уж и парадоксально. Оно основано на свежем опыте последних лет.

Чтобы лучше проникнуться идеей неразрывной связи реального и фантастического, рационального и интуитивного, лучше всего обратиться к мистическому реализму латиноамериканского романа XX в. Только поняв, что за каждым углом любого суперсовременного мегаполиса в любой части нашей планеты может скрываться некое Макондо, мы избавимся от чрезмерной уверенности в своих в общем-то ограниченных способностях. «Фора» «восходящих» (русской и латиноамериканской в том числе) цивилизаций перед Западом в том, что они несут в себе во многом еще нераскрытую способность по-новому, «незаштампованно» и свежо воспринимать окружающий мир. Их общая задача сегодня — по максимуму выявить эту способность, воплотив ее в соответствующих практических шагах и инициативах. И не поддаваться искушению (в очередной раз!) встать на привычные рельсы традиционного, подражательного мировосприятия. А там, глядишь, здоровое сомнение, помноженное на интуицию и «синтетический» ракурс, с обязательным выявлением обратной перспективы, пространственно-временных, цивилизационно-культурных и пр. детерминант, смогут дать такое новое качество глобального прогнозирования и управления, которое поможет человечеству выжить в грядущем столетии. Тогда С.Боливар и А.Бельо, Х.Марти и барон Рио-Бранко, Х.-Э.Родо, Л.Сеа, Ж.Амадо и все другие, мечтавшие видеть Латинскую Америку самостоятельной, развитой и великой, а ее вклад в мировую цивилизацию и культуру — востребованным, смогут порадоваться от души. Их мечты, хоть и с запозданием на два столетия, наконец, воплотятся в жизнь.

Наше время — это время не только новых вызовов, но и невиданных доселе возможностей. С открытием для освоения киберпространства появляются перспективы как для переноса военно-силового противоборства в киберсреду (вслед за сушей, водой, воздухом и космическим пространством), так и для выхода человечества на принципиально иной уровень международной коммуникации и решения глобальных проблем. На вопрос о том, как применить правило обратной перспективы на практике, сегодня, наверное, не так уж трудно ответить. Ведь «электронное правительство» — это почти уже реальность! Нужно лишь *заинтересованно* подойти к задаче *объективного* выявления результата процесса решения проблемы и, не доверяя ареопагу политических или академических гуру, каждый из которых привычно ощущает за собой поддержку разного рода «инициативных групп», заложить *всю доступную* информацию о ней в некий суперкомпьютер. Можно ручаться: даже при всех издержках, связанных с возможным дефицитом входящей информации, предлагаемые им решения будут, наверное, более адекватны, чем многие из тех, свидетелями которых нам доводилось быть за последние годы.

На этой оптимистической ноте позвольте закончить. Углубляться дальше в пласты мировой культуры мне, как неспециалисту, становится опасно. Чтобы перестать видеть мир разделенным на перегородки и стены (см. выше), необходимы *всесторонние* знания. В мире наблюдается переизбы-

ток *специалистов*, а ему, как и в XVII в., требуются *энциклопедисты*. Но значит ли это, что по исторической аналогии мир, в случае успеха, вновь ждет культурный и материальный подъем двух следовавших за XVII веком столетий? Поживем — увидим...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ J. Martí. Páginas Escojidas, tomo II. La Habana, 1965 p. 253, 254, 258, 261.
- ² А.В.Сергеева. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2005, с. 256.
- ³ Там же, с. 140.
- ⁴ Там же, с. 8.
- ⁵ A. Anderson. After the Ice. Life, Death and Politics in the New Arctic. London, 2009, p. 8.
- ⁶ J. Cooper Ramo. A Era do Imprevisível. Lisboa, 2010, p. 153. В 2010 г. эта книга была признана бестселлером в ходе опроса, проведенного газетой «New York Times».
- ⁷ Op. cit., p. 44—45.
- ⁸ H. Welter. Guerras climáticas. São Paulo, 2010, p. 110.
- ⁹ Ibid., p. 161.
- ¹⁰ Ibid., p. 279.
- ¹¹ В.Д.Лихачев. Искусство Византии IV—XV веков. Ленинград, 1981, с. 301.
- ¹² В.Н.Лазарев. Русская иконопись. От истоков до начала XVI века. М., 1983, с. 24.
- ¹³ К.Корнилов. Окно в минувшее. Ленинград, 1963, с. 46, 52.
- ¹⁴ Там же, с. 54.
- ¹⁵ В.М.Давыдов, А.В.Бобровников. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении) М., 2009, с. 106.
- ¹⁶ Там же, с. 134.
- ¹⁷ Там же, с. 155.